

СЕРГЕЙ Н. ИСКЮЛЬ

РУССКО-ФРАНЦУЗСКАЯ КОНВЕНЦИЯ 1810 ГОДА О СУДЬБЕ ПОЛЬШИ И РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Эпоха, которую историки называют апогеем Французской империи, т.е. 1809 – 1810 – 1812 гг. — представляет собой вместе с тем самый сложный дипломатический клубок, в переплетении которого вопросы, связанные с «марьяжными делами» Императора французов, с вопросом об Ольденбурге и, конечно, о судьбе Польши.

Известно, что по Венскому мирному договору от 14 октября 1809 г. побежденная Австрия должна была передать Великому герцогству Варшавскому Западную Галицию, Замойский округ и полосу земель на восточном берегу против Кракова. Таким образом, за свое участие в войне против Австрии герцогство было вознаграждено территорией около 50 тысяч кв. км с населением свыше полутора миллионов человек. Император же Александр за свою весьма «неусердную помощь»¹ (С.М.Соловьев) в совместной с Францией войне против Австрии получил Тарнопольский округ, население которого составляло до 400 тысяч жителей. Едва ли русский император мог быть вознагражден более за то, что его войска почти не под-

---

Д-р СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ИСКЮЛЬ [SERGEY NIKOLAYEVICH ISKYUL] — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук; адрес для корреспонденции: 197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7; электронный адрес: iskiouls@yahoo.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5974-8660>.

SERGEY NIKOLAYEVICH ISKYUL, PhD — doctor of History, leading researcher at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences; address for correspondence: 197110 St. Petersburg, ul. Petrozavodskaya, d. 7; email: iskiouls@yahoo.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5974-8660>.

¹ Именно это, весьма колоритное, выражение употреблено выдающимся российским историком Сергеем Михайловичем Соловьевым в его книге *Император Александр Первый. Политика – дипломатия*, Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича 1877.

держали действия союзника, тем более, что в ходе военных действий польскими войсками был перехвачен ряд документов российского командования, которые свидетельствовали о причинах особой тактики российских войск. Наполеону это, естественно, стало известно, и его уверенность в том, что Россия и далее станет вносить свой вклад в дело союза была решительно поколеблена. С другой стороны, «польская политика» Наполеона в тогдашних условиях, естественно, не могла не вызывать определенных беспокойств со стороны Александра I, ибо он усматривал опасность восстановления Польши в границах, существовавших до разделов этого государства, в которых во второй половине XVIII в. помимо Пруссии и Священной Римской империи участвовала и Россия. По мнению одного из историков, Александр I рассматривал действия своего союзника по Тильзиту как «средство давления и шантажа», полагая, что «угроза восстановления польского государства должна была удержать Австрию, Пруссию и русское правительство от враждебных действий в отношении Франции, причем острие этих акций было направлено против России».² Станным представляется это суждение вопреки очевидным фактам и странным желание непременно оправдать политику одной из участниц раздела Польши!

Поэтому 21 октября 1809 г. французскому послу в Петербурге была вручена нота, в которой содержалось требование заключения особой конвенции по польскому вопросу.³ Вслед за этим французский посол А. де Коленкур сообщил в Париж, что, по его мнению, наиболее сложным предметом во франко-русских делах являются именно польские дела.⁴ Во второй половине октября 1809 г. министр иностранных дел Франции направил в Петербург письмо, в котором шла речь о том, что император французов «не только не желает обнаружить мысль о восстановлении Польши, которая столь далека от его видов, но готов содействовать императору Александру во всех тех мерах, кои могли бы навсегда исключить всякое о ней воспоминание...».⁵ Письмо вызвало удовлетворение русской стороны, ибо представляло собой основу будущей конвенции о польских делах.⁶

² Е.И. ФЕДОСОВА, *Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции*, Москва: Изд. МГУ 1980, с. 126.

³ *Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия I-я*, т. 5, Москва: Изд. политической литературы 1967, с. 253 (далее – ВПР).

⁴ Великий князь Николай Михайлович. *Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов Императоров Александра и Наполеона 1808-1812*, т. 4, Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг 1906, с. 152 (далее – ДС).

⁵ ДС, т. I, Санкт-Петербург 1905, с. 100.

⁶ ВПР, т. 5, Москва 1967, с. 269.

7 ноября 1809 г. Коленкур сообщил Наполеону об основных требованиях, выдвинутых Александром I: обязательство, что никогда не возникнет вопрос о восстановлении Польши, и гарантии, что никогда не изменится статус герцогства Варшавского; упразднение слов «Польша» и «поляки» из всех государственных документов, упразднение старых польских орденов и чинов, обязательство, что русские подданные не будут приниматься на службу к саксонскому королю; рассматривать герцогство Варшавское и присоединенную часть Галиции лишь как провинцию саксонского короля.⁷

Тогда все эти предварительные условия не вызвали у Наполеона возражений не иначе как потому, что он был занят другими делами, а отдельные статьи должны были пройти стадию согласования. 25 ноября Коленкур получил полномочия на заключение конвенции, но с оговоркой, что она не должна содержать ничего противоречащего достоинству Императора французов.⁸

31 декабря 1809 г. министр внутренних дел Франции граф Ж.-П. де Монталиве произнес в Законодательном корпусе речь, в которой заявил следующее: «Территория герцогства Варшавского возросла присоединением части Галиции. Его Величеству не трудно было присоединить к нему и всю Галицию, но он не позволил бы себе ничего, что могло бы внушить беспокойство его союзнику, русскому императору...»; и далее: «Его Величество никогда не имел в виду восстановление Польши. Предоставляя западную Галицию Варшавскому герцогству, император действовал не столько из видов политики, сколько удовлетворяя требованиям чести».⁹

Тем временем канцлер Империи граф Н. П. Румянцев составил проект особой конвенции,¹⁰ первый пункт которой гласил: *Польское королевство никогда не будет восстановлено*. Подписание этой странной конвенции¹¹ состоялось в Петербурге 23 декабря 1809 г. (4 января 1810 г.), после чего конвенция была отправлена в Париж.¹² Казалось бы, никаких препятствий к скорейшей ратификации союзной конвенции не было, тем более, что французская сторона всегда проявляла заинтересованность и добрую волю в ин-

⁷ ДС, т. 4, с. 165.

⁸ ДС, т. 7, Санкт-Петербург 1914, с. 171-172

⁹ А.Н. ПОПОВ, «Вопрос Польский. 1806–1809 гг.», *Русская Старина* 1893, № 5, с. 352.

¹⁰ Kerautret M. *Les grands traités de l'Empire (1804–1810). Documents diplomatiques du Consulat et de l'Empire*, Paris: Nouveau Monde édition / Fondation Napoléon 2014, p. 400–462 и далее.

¹¹ Н.К. ШИЛЬДЕР, *Император Александр Первый. Его жизнь и царствование*, т. 2, Санкт-Петербург: Тип. А.С. Суворина 1898, с. 248.

¹² Ф.Ф. МАРТЕНС, *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами*, т. 14, Санкт-Петербург: Тип. Министерства путей сообщения 1905, с. 430–433.

тересах поддержания франко-российских союзных отношений. Но препятствия не замедлили явиться.

Ожидавшийся с нетерпением курьер из Петербурга, наконец, прибыл 6 февраля, но привез депеши Коленкура, которые могли лишь продлить неопределенность, существовавшую уже более месяца. 16-го января истек последний из десяти дней, которые Александр I потребовал у Коленкура в ожидании ратификации. Но и 21-го он так ничего и не сказал послу об этом сюжете. Очевидно, он хотел выиграть время, не давая определенного ответа о бракосочетании Наполеона с великой княжной Анной и добиваясь ратификации трактата о Польше до того момента, как обязуется бесповоротно дать согласие на руку своей сестры. Вероятно, он хотел получить от своего союзника гарантии, которые исправили бы ситуацию, созданную Венским миром.¹³ При этом, получить, не давая ничего взамен.

Тем временем, «уже упоминавшийся» чрезвычайный посланник и полномочный министр России во Франции князь Александр Борисович Куракин писал министру иностранных дел и канцлеру 15 (27) января 1810 г.: «Спешу поздравить вас с успехом, с каковым вы привели ко окончанию труд, столь поспешествующий ко благу Империи. Отнюдь не мешкая, я тотчас же отправился к герцогу Кадорскому сообщить ему об этой новости. Он сказал мне, что курьер, который должен ему привезти подлинный акт этой конвенции, еще не прибыл, но ожидает его сегодня или завтра. Он добавил, что как только получит этот акт, не преминет тотчас же представить его императору. Я же буду сообразовываться с намерениями императора, нашего августейшего государя, который предписал мне свидетельствовать здесь полное удовлетворение Его Императорского Величества, имея в виду новое доказательство дружбы, данное императором Наполеоном в этом вопросе, в разрешении коего он столь заинтересован. И я не пожалею ничего, граф, из того, что будут зависеть от меня лично, дабы ускорить ратификацию этой конвенции со стороны Его Императорского и Королевского Величества».¹⁴

В депеше от 21 января (2 февраля) посол написал о своем визите к министру иностранных дел и сообщил, что «курьер герцога Виченцкого, везущий оригинальный акт конвенции по делам бывшей Польши, только что подписанной герцогом в соответствие с полномочиями с Вашим Превосходительством, прибудет только вечером в пятницу. Я, таким образом, был

¹³ А. ВАНДАЛЬ, *Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи*, пер. В. Шиловой, т. 2, Санкт-Петербург: «Знание» 1911, с. 290.

¹⁴ Российская Национальная Библиотека (Санкт-Петербург), Отдел рукописей (далее – РНБ), ф. 650, № 1596, л. 8.

первым, кто сообщил министру, что эта конвенция, подписания коей он должен был ожидать, уже была заключена, и я дал ему прочесть ее полученную мною копию». Министр обещал сообщить об этом Наполеону, и на следующий день текст конвенции был, наконец, доставлен в Тюильри. С тех пор не проходило и дня, чтобы посол не поинтересовался у Шампаньи, когда будет иметь место ратификация, но на все вопросы следовал один ответ: «Конвенция все еще у императора». В разговорах же с самим Наполеоном посол воздерживался от вопросов о причинах откладывания с ратификацией.¹⁵

В депеше от 28 января (9 февраля) Куракин дал знать в Петербург, что ему было сообщено о выборе, сделанном Наполеоном в пользу австрийского брака. В разговоре с министром посол выразил свою обеспокоенность тем, что конвенция до сих пор не подписана. Шампаньи же, ответив, что конвенция все еще у императора, заметил «доверительно», что тот «не доволен редакцией этого документа, и, в особенности, определенным характером утверждения, с которым там выражено, что бывшее королевство Польское никогда не будет восстановлено». И уже тогда заявил, что не желает ее видеть в тексте конвенции, поскольку ему кажется невозможным брать на себя подобное обязательство в отношении того, что может зависеть лишь от обстоятельств, от его воли не зависящих».¹⁶

В приватном же письме к Румянцеву 28 января (9 февраля) 1810 г. Куракин выразился в таком смысле: «Это полное молчание по отношению ко мне со стороны г-на де Шампаньи и даже императора по всем статьям, хотя их содержание полностью соответствовало желаниям и видам, предварительно мне высказанным обоими, и это промедление с ратификацией, когда все сходится к тому, что она должна быть приведена ко окончанию, как только конвенция была получена, во всех отношениях представляется мне необъяснимым. (...) Мое усердие и деятельность, направленные на то, чтобы вы полнить данные мне на этот счет (...) повеления вполне доказываются фактом моей вчерашней поездки к герцогу Кадорскому, когда, страдающий от приступов подагры и не в состоянии более идти, я должен был сесть в карету, чтобы как можно скорее ехать к нему и еще раз говорить об этих предметах».¹⁷

В таком же приватном же письме от 11 (23) марта Куракин сообщил, что «конвенция, которую вы подписали вместе с французским посланником насчет Польши, по-прежнему остается без движения. Со времени визита,

¹⁵ РНБ, ф. 650, № 1596, лл. 13–15.

¹⁶ РНБ, ф. 650, № 1596, лл. 25–26.

¹⁷ РНБ, ф. 650, № 1596, лл. 28–29.

который мне нанес г-н де Шампаньи и во время коего я вновь говорил ему об этом предмете, нового я ничего не узнал. По-видимому, нашему ожиданию не дано легко увенчаться успехом, поелику, если и в самом деле намерены были пойти нам навстречу, то с самого начала это и нужно было сделать без каких бы то ни было отсрочек, которые могут внушить нам справедливое недоверие и охладить наше усердие к союзу».¹⁸

18 (30) апреля Куракин вновь сообщил, что Шампаньи «представил опять одни только прежние свои возражения: что герцог Виченцкий превысил свои полномочия и данные ему инструкции; что он прислал сюда те самые пять статей, которые желал включить в конвенцию наш августейший государь, но что подписанная конвенция содержала еще и другие статьи; что только Господу Богу дано установить, что королевство Польское никогда не будет восстановлено, так что статья первая этой конвенции вводит касательно этого в заблуждение; что император Наполеон находит, что не в его власти подобное обязательство, и что он может лишь возложить на себя обязательство не участвовать ни прямо, ни косвенно во всем том, что может способствовать таковому повороту событий».

Куракин не исключал, что французская сторона может отклонить ратификацию соглашения и поэтому писал: в Петербург о необходимости получить точные указания и повеления нашего августейшего государя «о тех способах, каковые мне окажутся необходимыми на тот случай, каковой с каждым днем становится все более вероятным, или же нам надлежит стерпеть отказ».¹⁹

В депеше 4 (16) мая он писал Румянцеву о возможных мерах к тому, чтобы «устранить трудности, из-за которых эта столь необходимая мировая сделка откладывается». Главная, по его представлению, заключалась в редакции статьи, согласно которой Польша отнюдь не должна быть восстановлена, полагая, что «для нас безразлично, если Франция пообещает, что Польша никогда не будет восстановлена, или же если она торжественно возьмет на себя обязательство никогда не способствовать этому прямо или косвенно». Далее посол высказывал свое личное мнение о том, что «Франции было бы выгоднее согласиться на незначительную перемену, выбрав выражения, кои, в сущности, не имеют никакого значения», чем «брать на себя до известной степени право из предпочтения к употреблению определенных слов и отказать в заключении столь необходимой мировой сделки».²⁰

¹⁸ РНБ, ф. 650, № 1596, лл. 60–62.

¹⁹ РНБ, ф. 650, № 1602, лл. 8–17.

²⁰ РНБ, ф. 650, № 1603, лл. 1–4.

Передавая подробности своего разговора с министром, посол в депеше от 28 мая (9 июня) писал, что Шампаньи в ответ на претензии Куракина вновь сослался на занятость Наполеона. «Но разве герцог Виченцкий не объяснил у вас причины, кои до настоящего времени помешали императору обратить внимание на это дело, церемонии бракосочетания и поездки на север Франции, из коей он едва только вернулся?». На это посол возразил тем, что если эти причины задержали на столь долгое время решение по делу, которое до такой степени интересует российский двор, то он «обязан поторопить с решением, требуемым по этому поводу». В связи с этим он напомнил, что инициатива в этом деле принадлежала французской стороне и не скрыл, что в Европе «повсюду уже известно, что конвенция о делах так называемой Польши была подписана, но ее ратификация императором Наполеоном отвергнута». Министр же, повторив снова то, что говорил и повторял всякий раз, неожиданно и к немалому удивлению Куракина заметил, что «не усматривает никакой взаимности в гарантиях» в том, что Александр I требует от Франции и на чем русская сторона столь решительно настаивает. На это Куракин возразил, что речь в настоящее время идет только о том, чтобы договориться о редакции 1-ой статьи конвенции о Польше. Он заявил, что готов переслать в Петербург любые замечания и предложения по существу конвенции о судьбе Польши, сделанные ему официально. В заключении министр спросил, ограничиваются ли данные Куракину полномочия подписанием конвенции или контрпроекта, которой был бы прислан из Санкт-Петербурга. Посол подтвердил такое ограничение полномочий, поскольку он не мог участвовать в редактировании дипломатических документов, на что Шампаньи заметил: «В таком случае, вы должны рассматриваться только как курьер». – «Совершенно справедливо, – отвечивал Куракин, – но, тем не менее, я настаиваю на ответе, каковой должен быть мне дан по поводу этой конвенции».²¹

Более недели Куракин ждал без какого бы то ни было положительного результата, и, наконец, предпринял, по его выражению, «последние средства», чтобы из первых рук узнать о результате доклада министра иностранных дел Наполеону. О том, каковы были следствия этих усилий, он сообщил в Петербург в депеше от 4 (16) июня: По словам Шампаньи, Наполеон «ничего не сказал из того, о чем вы меня спросили; он не сообщил мне о своем решении и не входил в обсуждение сего дела». При этом министр сослался на занятость делами, которые требовали с его стороны немедленного решения. Куракин не стал спорить, но заметил «настоятельно и энергически», что это дело «по существенной его важности, по чувствам, кои объединяют

²¹ РНБ, ф. 650, № 1604, лл. 6–14.

обоих монархов», достойно того, чтобы поставить его в ранг «первостепенных». В ответ Шампаньи несколько раз повторил «сухо и весьма немногословно», что император этим делом не занимался, что он доложил Наполеону о заявлениях Куракина и попросил дать ему повеления насчет ответа, но ничего на этот счет не получил. Куракин же заявил, что, обращаясь к министру «с настоятельной просьбой» сделать новые поползновения к тому, чтобы побудить своего государя к объяснению своих намерений, о чем через его посредство просит российский император. Посол попытался, поставлен ли французский представитель в Петербурге в известность о сложившейся ситуации, и Шампаньи уверил его в том, что депеши на этот счет посланы.²² Из этой беседы Куракин вынес уверенность в том, что «императору Наполеону, по-видимому, доставляет удовольствие это положение неизвестности, в котором он оставляет нас и которое столь мало соответствует нашим интересам...». В связи с этим посол высказывал мнение, что с некоторых пор «союзная система императора Наполеона претерпела изменения, и что он оказался подверженным влиянию столь важного события, каким явилось его бракосочетание с эрцгерцогиней Австрийской». Дальнейшие рассуждения Куракина сводились к следующему: каким бы ни было доверие, которое может еще испытывать Наполеон к императору Александру, настоятельное благоразумие становится для него более, нежели когда-либо необходимым, даже по отношению к нему». По мнению русского дипломата, это означало, что «отказ завершить дело с конвенцией, которая имеет предметом успокоить возбуждение поляков, развязывает нам руки в отношении самых энергичных мер, чтобы успокоить Польшу, в связи с тем, что этот отказ не имеет ныне иного эффекта, кроме как распространить среди сей нации источники мятежа». Куракин настаивал на том, что факты доказывают, что «в политике императора Наполеона, которая день ото дня может становиться все более сопряженной с опасностью, в отношении нас в настоящее время происходит перемена», и «надежда привлечь императора Наполеона к тому, чтобы уступить нашим желаниям, кажется мне более чем иллюзией». Куракин считал, что самое достоинство нашего положения требует прекратить всякие настоятельные просьбы, бесполезное повторение коих не может оставаться в неизвестности и может лишь умножить зло, каковое стремятся предотвратить». Вместе с тем посол полагал, что «нашему августейшему государю надлежит, (...) самыми энергичными мерами остановить дальнейшее развитие зла... с помощью тех иных средств, кои в изобилии вложены в его руки самим Провидением».

²² РНБ, ф. 650, № 1605, лл. 10–22.

Но объяснение по поводу польской конвенции все же состоялось. В депеше от 10 (22) июня Куракин сообщил об официальной беседе, которую имел с министром иностранных дел, который с самого начала заявил, что получил повеление императора собрать все бумаги, имевшие отношение к делу, поскольку Наполеон безотлагательно хотел заняться конвенцией, подписанной в Петербурге, на что посол ответил, что будет просить министра «самым настоятельным образом употребить усилия перед его государем, дабы поторопить этот момент, ввиду крайней необходимости для петербургского двора получить этот ответ». Куракин объяснил Шампаньи причину своей заинтересованности в скорейшем окончании дела, поскольку достичь, по его мнению, соглашения тем более легко, что «вопрос не в том, чтобы предъявить новое условие, но только в том, чтобы найти выражения, благодаря которым должно быть выражено то, в чем договоренность уже достигнута»; посол дал понять министру, что и тот должен быть заинтересован покончить с этим делом и что «следовало бы, положив руку на сердце, избегать насколько то возможно этих следствий, прямо вредящих интересам России из-за состояния брожения, которое поддерживается в Польше, и самого слуха, который распускается насчет этой конвенции, цель которой заключается, однако, в том, что ее успокоить». В продолжение беседы Куракин напомнил министру, что некоторые документы, приложенные к контр-проекту конвенции, составлены собственноручно императором Александром и «заслуживают по этой причине, как и сами по себе, всяческого внимания со стороны императора Наполеона».

Посол считал, что, согласно некоторым предположениям, ответ Наполеона на вопрос по существу конвенции «доставит нам альтернативу принятия двух решений в отношении статьи I-ой, самой существенной из всех». В первом случае Наполеон «отнюдь не желавший брать на себя обязательство, что ПОЛЬСКОЕ КОРОЛЕВСТВО НИКОГДА НЕ БУДЕТ ВОССТАНОВЛЕНО, что он продолжает рассматривать как некий акт, который один только Бог мог себе позволить, и противник того, чтобы однажды вследствие этого пролить кровь французов за или против поляков, предлагал заменить имеющееся там выражение на то, что «обязуется никогда прямо или косвенно не делать ничего, что могло бы поспешествовать восстановлению старой Польши» или добавить к статье I-ой, если не могут согласовать ее редакцию, некий акт о взаимных гарантиях настоящих владений обеих империй, указав там их названия и границы.

В выборе между этими двумя редакциями Куракин отдавал свое предпочтение первой, поскольку этот случай «гарантировал бы наши владения, не

накладывая на нас самих никаких обязательств»; тогда как второе повлекло бы для обеих сторон осложнение отношений, особенно «стеснительное» в будущем. При этом сам дипломат признавался, что все никак не мог уяснить себе разницу, каковая имеется между условием, что Польша никогда не будет восстановлена и пунктом о том, что никогда ни прямо, ни косвенно не будут поступать с тем, чтобы ее восстановить. Но, – указывал Куракин, – если бы он имел свободу действий, «достаточную для того, чтобы допустить столь незначительное изменение в трактате», то дело в течение недолгого времени было бы приведено к окончанию.²³

Отдавая себе отчет в том, что Наполеон примет без всяких перемен присланный контрпроект, Куракин в депеше от 1 (13) июня испрашивал у канцлера разъяснений, «до каких пределов наш августейший государь может допустить изменение редакции этого контрпроекта, чтобы согласовать ее с мыслями императора Наполеона». Понимая, что «различие принципов» должно касаться только статьи 1-й, Куракин почти жаловался Румянцеву на ситуацию, в которой продолжает оставаться: «невозможность для меня принять определенный выбор слов вместо другого, без конца ставит меня перед необходимостью посылать курьеров и до бесконечности оттягивать завершение этой работы, которая не могла быть завершена достаточно быстро и в срок». Поэтому посол просил самым четким образом очертить пределы его полномочий: «пусть мне будет дана свобода, пределы, в которых я должен был бы держать себя, должны быть мне также точно определены, и в этом состоит просьба, которую я делаю Вашему Превосходительству».²⁴

Приглашенный и явившийся с визитом к Шампаньи, Куракин вынужден был дожидаться его возвращения из Тюильри в течение нескольких часов. Министр вернулся домой только в девять часов вечера.

«Я льстил себя надеждой, — писал Куракин в депеше от 13 (25) июня — что, поскольку сам он хотел, чтобы мой курьер не уехал без того, чтобы он со мною не поговорил, то и принес он ответ на наши последние требования по поводу польской конвенции, и с этого момента я был бы удовлетворен тем, что получил бы возможность в той или иной степени представить Вашему Превосходительству объяснения, которые император Наполеон обещал моему брату дать нам в этом отношении, но я обманулся».

С самого беседы герцог Кадорский заявил послу, что император был весьма удивлен и обеспокоен докладом, который герцог Виченцкий сделал ему в последней депеше, о беседе между ним и Румянцевым. Император

²³ РНБ, ф. 650, № 1606, лл. 2–8.

²⁴ РНБ, ф. 650, № 1606, лл. 12–13.

утверждал, что с русской стороны беседа была «выдержана в тоне высокомерном и язвительном, к которому император крайне чувствителен, так же как и к изложенным там упрекам, что Франция не перестает проповедовать о восстановлении Польши и питать надеждой об этом всех, кто хочет слушать, парижские газеты продолжают все говорить о Польше и поляках». «Равным образом, — писал посол, — я замечаю, что, если Ваше Превосходительство в этом случае и сделали эти, отчасти энергические, представления французскому посланнику, то это вызвало эффект только отрицательный, а именно — задержку с подписанием конвенции, — что я считаю лишним аргументом в пользу того, чтобы положить раз навсегда конец всякому источнику недовольства между двумя империями. (...)». Поэтому, я поспешил убедить герцога Кадорского доводами, кои я уже исчерпал в беседах с ним в течение долгого времени, стараясь привести конвенцию к заключению, чтобы мне дали, наконец, ответы, кои мне были обещаны; и я призывал его собрать, как он говорил, поелику он не мог сего сделать до настоящего времени, все бумаги относительно этого дела, чтобы представить их императору Наполеону для окончательного решения».

Но, заканчивая беседу, министр неожиданно заявил буквально следующее: «Чему может послужить эта конвенция, которая, даже будучи заключенной, не положила бы конец тем обвинениям и жалобам, кои вы можете делать всегда; это всего лишь клочок бумаги, который можно просто порвать, когда это взбрет в голову?» — «К упорядочению принципов, — резонно возразил Куракин, — которым оба двора хотят следовать в том, что касается бывших польских провинций и их жителей, утвердить их таким образом, чтобы в будущем никаких затруднений в этом столь важном деле более не было».

Говоря это, посол чувствовал, что в дальнейшем промедлении с ясным ответом французская сторона продолжает искать все новые предлоги. Расставаясь с министром, князь добавил несколько слов, смысл которых сводится к тому, что ратификация конвенции представляется ему делом более, чем сомнительным.²⁵

С тех пор прошло слишком много времени, если даже принимать во внимание время, уходившее на переговоры, встречи и ожидание курьеров. В Петербурге уже свыклись с мыслью о том, что получить ратификацию конвенции в желанной редакции добиться не удастся. В депеше от 28 сентября (10 октября) Куракин уже писал о том, что постарается уклониться от обсуждения с Наполеоном или герцогом Кадорским «малоприятного до сих

²⁵ РНБ, ф. 650, № 1606, лл. 19–25.

пор предмета о проектируемой конвенции по делам старой Польши, считая, что «бесполезно прилагать к ее заключению еще новые попытки». Вместе с тем посол предлагал Румянцеву заинтересовать императора решением частных, но важных вопросов, считая необходимым «срочно предписать, чтобы те поляки, которые находятся во владениях нашего августейшего государя, решились сделать выбор о том, какому государству принадлежать, и оставить ту свою собственность, что находится в герцогстве Варшавском, предоставив им определенный срок в два или три года для этой цели».²⁶

Итак, Наполеон отказался ратифицировать конвенцию в той редакции, что представил Коленкур. Император предложил новый вариант первой статьи конвенции, составленный 9 февраля 1810 г.: «Император Наполеон обязуется не создавать благоприятных условий для восстановления королевства Польского, ни прямой, ни косвенной поддержки какой-либо державе или внутренним силам, стремящимся к восстановлению Польши или короче: Император Наполеон обязуется не поощрять попыток, имеющих целью восстановление Польского королевства».²⁷ Отказ императора французов от ратификации подписанной конвенции был, естественно, продиктован нежеланием брать на себя лишние обязательства в случае стремления к восстановлению польской государственности со стороны какой-либо третьей страны. Наполеон прозорливо усмотрел в поведении своего союзника нежелание проявить добрую волю перед лицом иных, но столь же обременительных обязательств. В то же время Наполеон не стал дожидаться, когда же, наконец, в Петербурге снизойдут на его предложения о брачном союзе, обратившись с ними в Вену, где они тотчас же встретили понимание. Заключая брачный союз Наполеоном, Австрия, в отличие от его союзника, не ставила никаких условий, тем более в том, что касалось будущего Польши. Союз же Франции с Великим герцогством Варшавским сохранял силу, тем более что поляки в большинстве своем связывали возрождение своего государства с опытом тех отношений, которые у них складывались с Францией на протяжении многих лет.

«Взять на себя непреложное и всеобъемлющее обязательство, что королевство Польское никогда не будет восстановлено, был бы актом неблагоприятным и несовместимым с моей честью. – заявил Наполеон. – Если поляки, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, восстанут как один и окажут противодействие России, то мне нужно будет употребить все свои

²⁶ РНБ, ф. 650, № 1609, лл. 23–26. Машин.

²⁷ *Correspondance de Napoléon Ier, publiée par l'ordre de Napoléon III*, t. XX, Paris: Plon. 1866, p. 149; ДС, т. 7, с. 185–188.

силы, чтобы усмирить их – так, что ли? Если же они найдут себе в этом деле союзников, то мне нужно будет употребить свои силы, чтобы сражаться с этими союзниками? Это значит требовать от меня невозможного, бесчестного и к тому же совершенно независящего от моей воли. Я могу утверждать, что никакого содействия, ни прямо, ни косвенно, не будет мною оказано какой-либо попытке восстановить Польшу, но не более того. Что же касается уничтожения слов «Польша» и поляки», то это то, что едва ли достойно цивилизованных людей, и я отнюдь не могу на это пойти. В дипломатических актах я еще могу не употреблять эти слова, но я не в состоянии вытравить их из употребления нации. Что же касается до упразднения старых рыцарских польских орденов, то это можно допустить только по кончине нынешних их обладателей и пожалованием новых наград. Наконец, что касается будущего территориального расширения герцогства Варшавского, то возможно сие запретить только на основе взаимности и при условии, что Россия возьмет на себя обязательство никогда не присоединять к своей территории ни куска, отторгнутого от старых польских провинций. На этих основах я еще могу согласиться с конвенцией, но не могу допустить никаких иных». ²⁸ К тому же вторую статью подписанной в Петербурге конвенции Наполеон назвал «просто смешной и абсурдной» и предложил как некий компромисс не употреблять в политических актах слова «Польша и поляки» для обозначения той или иной части бывшего польского королевства и его жителей в «их нынешнем состоянии». ²⁹

Как бы то ни было он распорядился отредактировать текст конвенции в соответствие с этими положениями и приказал Шампаньи тотчас же его отослать в Петербург.

Император Александр I со своей стороны также предложил свои варианты решения возникших разногласий. Например, первая и важнейшая статья конвенции в новой версии гласила: «Его Величество император француз, король Италии, чтобы доставить своему союзнику и всей Европе свидетельство его желаний отнять у врагов мира на континенте всякую надежду его разрушить, обязывается точно так же, как и Его Величество, император Всероссийский в том, что королевство Польское никогда не будет восстановлено». Прочие статьи конвенции были отредактированы Александром I столь же не по существу, так что их редакция, и это совершенно очевидно, представляла собой лишь слегка измененную модификацию статей конвен-

²⁸ А. THIERS, *Histoire du Consulat et de l'Empire*, t. 33, Bruxelles: Alph. Lebègue, libraire 1851, p. 152.

²⁹ А.-Ау. ERNOUF, *Maret, duc de Bassano*, Paris: E. Perrin 1884, p. 266.

ции, подписанной в Петербурге. Возможно, это было сделано Александром в расчете на то, что новые варианты также не будут приняты Наполеоном.

В дальнейшем, когда князь Куракин заводил речь об этой конвенции, французский министр иностранных дел, пользуясь этим случаем, ссылаясь на графа Румянцева, который, по его мнению, подозревал политику Франции в неискренности и не раз заявлял, что Франция поддерживает идею восстановления Польши. Поэтому Куракин заявил канцлеру, что, по его мнению: «Самое достоинство России требует не настаивать более на заключении этой конвенции» и получил в ответ повеление императора не говорить больше о ней ни с французским министром иностранных дел, ни тем более с императором французов.

Но вопрос о Польше в русско-французских отношениях возникал и далее. В разговоре с Наполеоном флигель-адъютант Александра I А.И. Чернышев, сославшись на мнение канцлера Румянцева, сказал собеседнику буквально следующее: «Ежели б удалось дела, касаемые до Польши и Ольденбурга, уложить в один мешок, хорошенько перетряхнуть их там, а затем высыпать на стол переговоров, то (...) союз между обеими империями укрепился бы настолько, что стал бы еще более тесным и искренним, нежели прежде, к досаде не только англичан, но и немцев...».

Перед этим заявлением Чернышев мог и не оговаривать, что ему не известно мнение императора о способе преодоления разногласий между Россией и Францией. Наполеону сразу стало ясно, что предложение исходит от самого Александра а, имя же канцлера служит здесь дипломатическим прикрытием. Очевидно, что Чернышев вряд ли позволил бы себе высказываться подобным образом, не имея представления о мнении самого императора по этому поводу. Наполеон с полным основанием воспринял заявление Чернышева как зондаж. «Отдать герцогство Варшавское за Ольденбург, – воскликнул Наполеон, – было бы верхом безумия! Какое впечатление произвела бы на поляков уступка хотя бы пяди их земли в то время, когда нам угрожают». И Наполеон даже не стал обсуждать этот вопрос. Александр I прекрасно понимал, что Наполеон хочет как можно скорее решить вопрос об Ольденбурге и надеялся, что вопрос будет решен за счет Великого герцогства Варшавского. Но он до конца так и не мог осознать, что для Наполеона вопрос о Великом герцогстве Варшавском имеет куда большее значение чем вопрос об Ольденбурге.

Историк Адольф Тьер, который едва ли не первый подробно писал о польских делах в русско-французских отношениях, был прав, говоря о «польской» конвенции, что «все это очевидно должно было рано или

поздно привести к концу союза и вызвать неотвратимую размолвку». ³⁰ Все это так, но если бы Наполеону до конца сопутствовал успех, и мир, к которому он стремился в 1812 г., был бы заключен, то этот мир между Наполеоном и Александром I как и Тильзит был бы недолог, ибо русский император ни на минуту не забывал позорное поражение при Аустерлице и все то, что пришлось самому ему испытать при этом. Что было бы потом, мы не знаем, но мы знаем, что польская государственность все-таки состоялась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [SPISOK LITERATURY]

Рукописные источники [RUKOPISNYYE ISTOCHNIKI]

Российская Национальная Библиотека (Санкт-Петербург), Отдел рукописей, ф. 650, № 1596, л. 8, 13–15, 25–26, 28–29, 60–62; № 1602, лл. 8–17; № 1603, лл. 1–4; № 1604, лл. 6–14; № 1605, лл. 10–22; № 1606, лл. 2–8, 12–13, 19–25; № 1609, лл. 23–26. Машин [Rossiyskaya Natsional'naya Biblioteka (Sankt-Peterburg), Otdel rukopisey, f. 650, № 1596, l. 8, 13–15, 25–26, 28–29, 60–62; № 1602, ll. 8–17; № 1603, ll. 1–4; № 1604, ll. 6–14; № 1605, ll. 10–22; № 1606, ll. 2–8, 12–13, 19–25; № 1609, ll. 23–26. Mashin.].
Correspondance de Napoléon Ier, publiée par l'ordre de Napoléon III, t. XX, Paris: Plon 1866.

ИССЛЕДОВАНИЯ [ISSLEDOVANIYA]

- ВАНДАЛЬ Альбер, *Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи*, пер. В. Шиловой, т. 2, Санкт-Петербург: «Знание» 1911, с. 290 [VANDAL Alber, *Napoleon i Aleksandr I. Franko-russkiy soyuz vo vremya Pervoy imperii*, per. V. Shilovoy, t. 2, Sankt-Peterburg: «Znaniye» 1911, 290].
- Великий князь Николай Михайлович. *Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов Императоров Александра и Наполеона 1808-1812*, т. 4, Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг 1906 [Velikiy knyaz' Nikolay Mikhailovich. *Diplomaticheskiye snosheniya Rossii i Frantsii po done-seniyam poslov Imperatorov Aleksandra i Napoleona 1808-1812*, t. 4, Sankt-Peterburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag 1906].
- Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел. Серия 1-я*, т. 5, Москва: Изд. политической литературы 1967 [Vneshnyaya politika Rossii 19 i nachala 20 veka. Dokumenty Rossiyskogo Ministerstva inostrannykh del. Seriya 1-ya, t. 5, Moskva: Izd. politicheskoy literatury 1967].
- МАРТЕНС Фридрих-Фромгольд, *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами*, т. 14, Санкт-Петербург: Тип. Министерства путей сообщения 1905, с. 430-433 [MARTENS Fridrikh-Fromgol'd, *Sobraniye traktatov i konventsiy, zaklyuchennykh Rossiyeu s inostrannymi derzhavami*, t. 14, Sankt-Peterburg: Tip. Ministerstva putey soobshcheniya 1905, 430-433].
- ПОПОВ Александр Николаевич, «Вопрос Польский. 1806–1809 гг.», *Русская Старина* 1893, № 5, с. 352 [POPOV Aleksandr Nikolayevich, «Vopros Pol'skiy. 1806–1809 gg.», *Russkaya Starina* 1893, № 5, 352].

³⁰ А. THIERS, *Histoire du Consulat et de l'Empire*, p. 152.

- СОЛОВЬЕВ Сергей, *Император Александр Первый. Политика – дипломатия*, Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича 1877 [SOLOVYEV Sergey, *Imperator Aleksandr Pervyy. Politika – diplomatiya*, Sankt-Peter-burg: Tip. M.M. Stasyulevicha 1877].
- ФЕДОСОВА Елена Ивановна, *Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции*, Москва: Изд. МГУ 1980 [FEDOSOVA Yelena Ivanovna, *Pol'skiy vopros vo vneshney politike Pervoy imperii vo Frantsii*, Moskva: Izd. MGU 1980].
- ШИЛЬДЕР Николай Карлович, *Император Александр Первый. Его жизнь и царствование*, т. 2, Санкт-Петербург: Тип. А.С. Суворина 1898 [SHILDER Nikolay Karlovich, *Imperator Aleksandr Pervyy. Yego zhizn' i tsarstvovaniye*, t. 2, Sankt-Peterburg: Tip. A.S. Suvorina 1898].
- ERNOUF Alfred-Auguste, *Maret, duc de Bassano*, Paris: E. Perrin 1884.
- KERAUTRET Michel, *Les grands traités de l'Empire (1804–1810). Documents diplomatiques du Consulat et de l'Empire*, Paris: Nouveau Mondeédition/Fondation Napoléon 2014.
- THIERS Adolphe, *Histoire du Consulat et de l'Empire*, t. 33, Bruxelles: Alph. Lebègue, libraire 1851.

РУССКО-ФРАНЦУЗСКАЯ КОНВЕНЦИЯ 1810 ГОДА
О СУДЬБЕ ПОЛЬШИ И РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Р е з ю м е

Статья посвящена одному из ключевых аспектов дипломатической активности держав перед войной 1812 г. в России, когда между Францией и Россией могла быть заключена конвенция о судьбе Польши. В статье впервые используются документы из дипломатической переписки российского посла в Париже князя Александра Куракина.

Ключевые слова: Великое герцогство Варшавское; Наполеон; Александр I; проекты конвенции о Польше; русский посол в Париже А. Куракин

KONWENCJA ROSYJSKO-FRANCUSKA Z 1810 ROKU
O LOSACH POLSKI I STOSUNKI ROSYJSKO-FRANCUSKIE

S t r e s z c z e n i e

Artykuł poświęcony jest jednemu z kluczowych aspektów działalności dyplomatycznej mocarstw przed wojną 1812 r. w Rosji, kiedy można było zawrzeć konwencję o losach Polski między Francją a Rosją. Po raz pierwszy w artykule wykorzystano dokumenty z korespondencji dyplomatycznej rosyjskiego ambasadora w Paryżu, księcia Aleksandra Kurakina.

Słowa kluczowe: Wielkie Księstwo Warszawskie; Napoleon; Aleksander I; projekt konwencji o Polsce; ambasador Rosji w Paryżu A. Kurakin.

RUSSIAN-FRENCH CONVENTION OF 1810
ABOUT DESTINY OF POLAND AND RUSSIAN-FRENCH RELATIONS

S u m m a r y

The article is devoted to the one of the key aspects of diplomatic activities of states on the eve of the War of 1812 in Russia, when the Polish convention can be concluded between France and Russia. In this article the documents from the diplomatic correspondence of the Russian ambassador in Paris, prince Alexander Kurakin, are used for the first time.

Key words: Great Duchy of Warsaw; Napoléon; Alexander I; draft convention about Poland; Russian ambassador in Paris A. Kurakin.